

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79

Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева

Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна

Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай

Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут

Девушка не нашего круга
Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убийственную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище

Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все

Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда
Сериал «Высокие страсти»
Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

ВСПОМНИТЬ БУДУЩЕЕ

р о м а н

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 **Вспомнить будущее** : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-168497-6

Экстрасенс Алексей Данилов никогда не занимался частным сыском. Но новая клиентка попросила его именно об этом — найти убийцу ее мужа, владельца сети ювелирных магазинов Михаила Нетребина, жестоко зарезанного прямо под окнами собственного дома. Незадолго до смерти кто-то прислал ему открытку со странными словами: «Пришел черед. Настал твой год». Заинтересовавшись историей семьи Нетребиных, Алексей увидел, что мужчины там умирали каждые двадцать четыре года...

Машу воспитывала бабушка. С самого детства ее словно преследовал злой рок: собака изуродовала лицо, жених бросил прямо накануне свадьбы, а потом любовно выстроенный бизнес сгорел на корню. Необычные способности Маша обнаружила в себе не сразу. А когда научилась ими пользоваться, поставила себе цель — найти и уничтожить человека, с которого начались все ее несчастья...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-168497-6

Алексей Данилов

Одному жить бывает тошно.

Работа, конечно, спасает — но не до конца. Не будешь ведь все время трудиться, как бешеный топ-менеджер корпорации «Панасоник». К тому же у управленцев высокого уровня имеются жены, любовницы и секретарши. А я — совершенно одинок.

Казалось бы, в чем проблема — завести себе даму сердца? Три четверти моих клиентов — женщины, каждая вторая из них молода, мила и богата, и все они (за редчайшим исключением) почтут за благо скрасить мое холостяцкое бытие. А не хочешь связываться с клиентками — выйди на улицу, в спортивный клуб, в супермаркет. Молодой, хорошо одетый мужчина тут же оказывается под прицелом заинтересованных взглядов. Только выбирай.

Но никогда я не искал легких путей.

Мысли мои все чаще в последнее время обращались к совершенно не подходящей женщине. Не то чтобы хорошо мне знакомой. Или даже более-менее известной. Просто — пару раз встреченной на крутых дорожках. Причем я не сомневался: она должна испытывать по отношению ко мне самые негативные чувства. Потому что наши пути пересекались дважды, я ей дважды противодействовал, и оба раза оставил в

дураках¹. А она — как мне казалось — ни по свойствам характера, ни по долгу службы не принадлежала к числу тех страдалниц, которым доставляет удовольствие поражение или унижение.

Чего уж там ходить вокруг да около! Я думал о Варваре. Варваре Кононовой. Если, конечно, ее имя — реальное, а не чекистский псевдоним (на которые это племя гораздо). Но как бы она ни звалась, из моей головы никак не шла. Я просыпался по утрам, и первое, что воображалось мне: ее широкое, красивое, очень русское лицо с черными бровями взлет; ее мощные стати и плечи спортсменки; ее говор — точный, умный, порой жесткий и язвительный; тембр ее голоса — бархатистый. И когда я думал о ней, сладкое чувство разливалось в моей груди, холодно становилось под ложечкой и воображались различные картины совместного с Варварой времяпрепровождения. Что характерно, грубый секс занимал в моих мечтаниях весьма незначительное место, что неопровержимо свидетельствовало о наличии в отношении гражданки Кононовой не голой похоти с моей стороны, а гораздо более возвышенного и глубокого чувства. Глупо таить-ся от самого себя! Пожалуй, можно было сказать, что я в Варвару влюблен. Странная прихоть.

Проблема, однако, заключалась даже не в том, что после унижений, которым я подверг в профессиональном плане Варвару, она не захочет со мной видеться и встречаться. Уболтать, уговорить, покорить можно любую. В своих способностях я не сомневался. Вопрос лишь времени и упорства. Однако в десяти-миллионной Москве (плюс ежедневно приезжих пять миллионов) не было у меня шансов отыскать одну

¹ Подробнее читайте об этом в романах Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят» и «В свободном падении», издательство «Эксмо».

отдельно взятую особу. Даже со всеми моими талантами. Потому как девушка не числилась ни в каких адресных базах: ни по месту регистрации, ни по владению квартирой, участком или авто, ни по налогам или кредитам. В нашем насквозь оцифрованном и стандартизированном мире одну категорию населения разыскать до чрезвычайности трудно: действующих или даже бывших сотрудников спецслужб. Мне мой импресарио и друг Сименс — прошедший огонь, воду и медные трубы, умеющий достать звезду со дна моря и рыбку из пучин мирового космоса — о том же сказал, когда я поделился с ним своей печалью: «И не пытайся».

Однако оставался у меня метод — доступный, из громадной массы столичных жителей, пожалуй, одному только мне. Мне, единственному. Но стоило ли расходовать энергию, чтоб им воспользоваться?.. Да и имел ли я право? Хороший врач ведь никогда не лечит самого себя.

Размышлизмы мои прервал звонок от Сименса. Верный помощник названивает мне каждый день как минимум два раза — даже если нет особых дел. То ли он таким образом поддерживает меня в тонусе, то ли стережется от собственного увольнения. В этот раз, к сожалению, веская причина побеспокоить меня у него имелась.

— К тебе на прием просится одна дама, — начал мой антрепренер. — Возбуждена. Обещает заплатить любые деньги. Это хороший признак. Особенно если учесть, что они, деньги, у нее, дамы, судя по всему, имеются.

Просто так ко мне на консультацию не запишешься. Никакой рекламы о моей деятельности мы с Сименсом не даем. Никаких афиш и, упаси бог, интервью. Человеку, страждущему моей помощи, требуется для начала отыскать номер телефона моего помощника. А он засекречен не хуже, чем у Варвары.

— Кто такая? — осведомился я.

— Как всегда, богатенькая жена. Самый твой контингент.

— Что с ней?

— Насколько я понял, лично с ней ничего. Проблема с ее мужем. Что-то ему угрожает. Нечто неизведанное. Супруга уверяет, что дело не терпит отлагательств. Я записал ее на завтра, на десять. Зовут ее Нетребина Алина Григорьевна. У тебя как раз окно.

— О господи! — простонал я.

— Знаю-знаю, работать ты не любишь. Но ведь нам же надо чем-то оплачивать счета. За офис аренду подняли. Авто тебе новое пора покупать. Раз хочет женщина отдать любые деньги — отчего ж не взять?

— Циник ты, Сименс, — вздохнул я, но в календаре у себя пометил: завтра, в десять, в офисе. Значит, придется вставать ни свет ни заря, а потом по пробкам тащиться к нам на Большую Полянку. Да, прав Сименс: работать я не люблю. А кто, спрашивается, любит?

Я выбросил из головы завтрашнюю встречу с богатой дамочкой и снова взялся думать о личном. О Варе Кононовой. И к вечеру принял решение. Злоупотребить служебным положением и Варвару *вызвать*.

В самом деле: если ты, голубушка, засекречена так, что я не могу сделать первый шаг — его придется делать *тебе*. Пусть твое самолюбие немножко пострадает. Ведь ты не будешь знать, что не сама ко мне пришла, а я тебе *приказал*. А я тебе ни в коем случае не признаюсь.

Процедурой я пользовался в жизни всего пару раз. Но предполагал, что здесь не может и не должно быть строгих правил. Королева всего — импровизация. Главное только — очень сильно захотеть.

Процесс, чем-то похожий на подростковые занятия мастурбацией — только без самой мастурбации.

Я устроился в глубоком кресле и представлял себе: вот раскрывается дверь (дверь — это важно, это обязательный элемент, как символ входа или перехода), и она появляется. И я очень, прямо-таки ужасно рад ее видеть. У меня все в душе аж замирает и растекается, как я ей рад. И мне доставляет громадное удовольствие лицезреть ее светло-зеленые очи, и высокий лоб, и широкие скулы, всегда румяные от спорта или от здорового питания. И я в упоении разглядываю ее шею, и богатое декольте, и эту впадинку между грудями... И мощные плечи спортсменки, и совсем не аристократические, но отчего-то столь милые мне руки... И еще Варвару чрезвычайно украшает тонкая талия — особенно по контрасту со впечатляющей грудью и бедрами. А я вспоминаю, сколь приятен тембр ее голоса, и сколь очевидный ум чувствуется во всех ее разговорах. «Приди, о приди же, приди!» — мысленно кричу я. А потом повторяю свое заклинание — вкупе с теми посулами, какими я осыплю девушку, когда она появится: как буду я ласков, терпелив, понимающ, не скуп, вдохновенен, остроумен, весел и добродушен.

«Как же тебе будет хорошо со мной!» — посылаю я — сам не зная куда, в некое ментальное четвертое измерение — свой призыв.

Варя Кононова

Обычный был вечер: ужин, новости по телику, пенная ванна с бокалом вина, французским сыром и романом Агаты Кристи. Варя давно уже научилась отыскивать плюсы в своем одиночестве. Пусть не с кем перекинуться словом и некого попросить принести в ванную свежее полотенце — зато не надо терпеть ничьих причуд, выполнять глупых требований. Можно никого не пускать в собственное пространство. А полотенце в ванную несложно принести самой, загодя.

Все в жизни ее на данный момент устраивало. Интереснейшая работа, замечательный начальник, ничего не болит, ничто не тревожит, наслаждайся себе старушкой Агатой и в тысячный раз поражайся коварству доктора Шеппарда.

Варя умела тихими, одинокими вечерами отключаться от всех рабочих ситуаций-проблем. Но сегодня в ее спокойное, выверенное бытие попыталось ворваться постороннее. Да какое! Вдруг (когда читала напряженнейший диалог Эркюля Пуаро с негодяем Шеппардом) представилось, что вместе с нею, в ванне, нежится Леша Данилов, фигурант по двум ее делам. Обаятельный, самоуверенный и талантливый парень.

Видение оказалось настолько ярким, что Варя даже глаза скосила: вдруг Данилов *действительно* рядом? Вынырнул из своего паранормального мира?!

Улыбнулась собственной странной фантазии, постаралась сосредоточиться на книжке — но Алексей никак не желал уходить. Вспоминались то его открытая улыбка, то милый, южный юмор. Даже мысль мелькнула: «Позвонить, что ли, ему? Притвориться, что по работе? Узнать, как поживает, чем сейчас заняты?»

Впрочем, Варя тут же сделала над собой усилие и решительно выбросила мысли об Алексее из головы. Мало ли, чего ей хочется? Никакого дела к Данилову у нее нет, а вступать с фигурантами в личные отношения она не имеет права.

Алексей Данилов

Дама, пришедшая ко мне, была расстроена и сосредоточена. В том не было ничего необычного. Большинство моих клиентов — дамы. Большинство из них расстроены и сосредоточены. Правда, мне показалось, что эта *очень* расстроена и *слишком* сос-

редоточена. Впрочем, данное обстоятельство могло свидетельствовать как о сложности случая, так и о личных качествах женщины, принимающей все до чрезвычайности близко к сердцу. И речь могла идти всего лишь о пропаже любимой («я ношу ее со школы, и она приносит мне удачу»)! заколки для волос.

Я исподволь осмотрел и оценил гражданку. Мне отчего-то показалось, что наше с ней сотрудничество не ограничится одной встречей, и потому я хотел составить о ней представление. По десятибалльной шкале зажатости я бы поставил ей сейчас одиннадцать. Мышцы вокруг ее рта напряжены. Губы вытянулись в нитку. Напряжен и плечевой пояс, а пальцы рук непроизвольно сжаты в кулаки. А жаль, потому что сама по себе пациентка была очень даже ничего. Не в моем вкусе, правда — слишком уж холодна и правильна — однако объективности ради следовало сказать, что все в ней было комильфо. Правильные и породистые черты лица, тонкие пальцы, скульптурный, словно мраморный, лоб. А кроме того, деловой, весьма недешевый костюм, стильная стрижка, свежий маникюр, дорогие сумочка и туфли. Имидж у нее, по жизни, видимо, был всегдашняя победительница, вечная отличница. Образец во всем, человек, с которым никогда ничего не случается. Тем удивительнее было видеть ее, всю напряженную, в моем кабинете.

Поэтому гостью я встретил особенно тепло. Встал со своего места, поклонился, подвинул стул. Ничто так благотворно не действует на прекрасный пол, как маленькие знаки внимания.

— Что привело вас ко мне? — спросил я, заняв свое место напротив. Голосу постарался придать как можно более мягкое звучание.

— Ах, столько всего происходит! — проговорила она глубоким грудным контральто. — Даже не знаю, с чего начать.

— С того, что стало последней каплей.

— Последней каплей? — Она на минуту задумалась, потом с усилием проговорила: — Пожалуй, та история с кровью. — Она чуть заметно вздрогнула.

— Расскажите. Вы же как человек, несомненно, образованный должны знать истину: чем больше выговариваешь неприятности, тем менее они болят.

— Мы с мужем приехали на дачу, — начала она, собравшись и без лишних предисловий. — У нас там, на участке, есть беседка. Мы обычно в ней накрываем чай, когда пожалуют гости. Или шашлыки делаем. И вот — мы не сразу заметили — я увидела уже в субботу днем. На столе в беседке стоит тарелка. Глубокая. В ней лежит что-то. А сама тарелка наполнена кровью.

Женщина еще раз содрогнулась.

— Так, — глубокомысленно проговорил я и замолчал, вынуждая ее продолжить историю.

— Я закричала. Позвала мужа. Он прибежал. Тоже очень расстроился. Побледнел. Мне показалось, чуть в обморок не упал. Я его никогда таким не видела. Я, когда пришла в себя, тарелку помыла, конечно. И знаете, что там в ней было? Дешевая бижутерия. Серьги, бусы. Из тех, что в переходах продаются, по три копейки.

— А вы уверены, что в тарелке находилась именно кровь? Не кетчуп? Не томатный соус?

— К сожалению, — ее снова передернуло, — это точно была кровь. И запах, и консистенция.

— Странная шутка, — озвучил я первую пришедшую мне в голову мысль. — Похоже на детскую игру.

— Ничего себе игрушки!

— Вам было неприятно? Или вы испугались?

— Какая разница! Убила бы того, кто это сделал!

— А потом, — проницательно спросил я в духе последователей доктора Фрейда, — когда гнев и злость прошли, вы пытались сформулировать для себя, что означало то послание в виде тарелки?

— Пыталась. Натуральный символизм. Но что они хотели этим сказать? Твой бизнес на крови замешен? Твои бриллианты преступно заработаны? Или еще какой намек дурацкий?

— А вы имеете какое-то профессиональное отношение к бриллиантам?

— Я — нет. Муж — да. У него своя фирма. Называется «Бриллиантовый мир». Семнадцать магазинов по продаже ювелирных изделий. По всей стране.

— А вы в полицию не обращались?

— Вы смеетесь? С чем? С этой тарелочкой?

— А соседи по даче? Их не расспрашивали?

— О чем?

— Кто к вам на участок проникал — может, они видели?

— Да нет, зачем мы будем привлекать внимание соседей к личным проблемам?

— Удивительная история, — размыслил я вслух. — И какая-то несерьезная. Из тех, знаете ли, когда на листке из школьной тетради пишут неустойчивым почерком: положите в дупло дуба сто рублей, а не то будет плохо. А как вы думаете, кому сей прикол адресовался? Вам? Супругу вашему? Или, может быть, это и впрямь шутка детей?

— У нас с мужем нет детей, — очень сухо и очень холодно отвечала посетительница.

— Тогда кому послание?

— Ему. Мужу. И он его воспринял. И совсем не как шутку. Он ничего не рассказывал мне, но я же видела: происшедшее его задело. Очень задело. Все выходные он был нелюдимым, неразговорчивым. Когда я попыталась вызвать его на откровенность, расспросить — он вспылал, раскричался.

— Конечно, ни о какой экспертизе речи не шло?

— Что вы имеете в виду?

— Кровь в тарелке — она была чья? Если животного, то какого? Если вдруг человеческая — какой группы?

— Разумеется, нет. Какая там экспертиза!

— Может, с вами случались другие неприятности в последнее время?

— Со мной все в порядке. А вот с Мишей, Михаилом Юрьевичем, моим мужем... Да, я уверена: нечто плохое в его жизни происходит. Но что конкретно с ним творится — я могу только догадываться. Причем очень смутно. Он на откровенность со мной, увы, не идет.

— Проблемы в его бизнесе?

— Полагаю, что так.

— Другая женщина?

Ее лицо чуть потемнело и слегка закаменело.

— Надеюсь, нет. Хотя все может быть. С мужчинами никогда нельзя зарекаться. Но прямых улик и поводов для подозрений у меня не имеется.

— Что-то еще происходило?

— Был другой момент, когда Миша испугался. По-настоящему испугался. Хотя, на мой взгляд, дело не стоило выеденного яйца. Опять чья-то шутка. Нелепая и неудачная.

— Что именно?

— Как-то мы с ним утром вышли из квартиры вместе. Обычно такое нечасто бывает, всегда он уезжает или уходит на работу спозаранку — он вообще у меня жаворонок. Я же покидаю дом гораздо позже. А тут Миша предложил меня подбросить, я ехала в поликлинику. Мы вышли из лифта вместе, и я машинально шагнула к почтовому ящику. Ключ от него есть у нас у обоих, и Михаил Юрьевич, как я знаю, по утрам всегда ящик открывает. Просматривает, что туда накидали, но обычно оставляет его содержимое на месте, чтоб я забрала — тем более что ничего интересного или важного по почте нам не приходит. Газет

мы не выписываем, бумажную переписку ни с кем не ведем, поэтому попадают в основной счета, налоговые уведомления или штрафы. Ну, и рекламная рассылка, разумеется.

— Вы хотите сказать: послание адресовалось вашему мужу? Недоброжелатель (если он был) заранее изучил ваши привычки и знал, что ящик откроет именно Михаил Юрьевич?

— Не знаю, однако письмо и впрямь адресовалось ему. А я его прочла чисто случайно.

— Что там было?

— Да ничего особенного. Просто открытка. Обычная, почтовая. Какие во всех туристических местах продают. По пять штук за один евро, знаете? Вот и на той изображен был какой-то средневековый европейский городок. Судя по архитектуре, немецкий. Во всяком случае, стиль готический. Я сперва думала: очередная реклама — трюк турфирмы — и карточку перевернула. А там марка наклеена. Наш почтовый адрес, от руки написан, все честь по чести, имя получателя, по-русски: Нетребину Михаилу Юрьевичу — и короткий текст. Тоже от руки, несколько слов, я их накрепко запомнила. Всего пять слов. Что-то вроде стиха: «Твой черед. Настал твой год».

— Твой черед, настал твой год, — автоматически повторил за ней я, — действительно, легко запомнить.

Женщина усмехнулась совсем невесело:

— Особенно если увидишь, какой эффект вызывают эти, в общем, невинные слова.

— Да? Ваш муж испугался?

— Очень! Он как раз уже завел машину. Я подседа к нему, протянула открытку. Он взял, прочел, перевернул, увидел картинку — и буквально переменялся в лице. Аж побелел весь. Знаете, в старых романах было выражение: будто пораженный громом. Вот и его будто оглушило. Словно граната разорвалась. Я Мишу спрашиваю, сначала со смехом: что, мол, такое случи-

лось? — а он молчит. Я снова, уже с тревогой: «Миша, Миша!» И тут он очнулся да как заорет на меня: «Ты почему читаешь чужие письма?! Да кто тебе дал право?!» Ну и всякую такую вашу мужскую ересь несет. Когда вы на слабых да на женщинах свои неудачи и тревоги вымещаете.

«А вы, дамочка, оказывается, феминистка», — с усмешкой подумал я, но со своими комментариями в ее рассказ встревать не стал.

— А потом он взял открытку, со злобой смял ее, но ему показалось мало, и тогда он выскочил из машины, порвал на мелкие кусочки, сжал в кулаке, добежал до ближайшего мусорного бака, бросил в него. И только после пробежки, выпустив пар, хоть немного успокоился. Сел за руль, громко сказал: «Будем считать случившееся неудачной шуткой» — и больше мы никогда с ним происшедшее не обсуждали. Но я видела: ему как-то поплохело после происшествия. Он и без того дерганым был в последнее время, а тут совсем разнервничался. Иногда взглянешь на него, когда он думает, что никто не видит — а он сидит как истукан, весь бледный, на лбу бисеринки пота, а в глазах — ужас. А еще если до него неожиданно дотронешься, он весь аж дернется от страха, хотя всегда мужик был неробкого десятка — я и прикасаться к нему прекратила.

— Значит, сама роковая открытка погибла безвозвратно, — уточнил я. — А что вы про нее запомнили? Какой там город был изображен? Обычно ведь на туристических карточках название подписывают.

— И там оно тоже было, — кивнула дама. — Но не на лицевой стороне, не на самой фотографии, а на обороте, там, где текст и адрес, маленькими буквами. Я хоть увидела, да не запомнила. Что-то немецкое мне показалось. Или, может, бельгийское, голландское? Но вот что? Город мне совершенно незнакомый. Не Берлин, не Гамбург, не Нюрнберг.

— А вы говорите, на открытку была приклеена марка?

— Да, была. Какая-то тоже заграничная. Гашенная штемпелем.

— А почерк? Мужской, женский? Ручкой написано, карандашом, фломастером?

— Почерк, мне кажется, такой быстрый, размашистый, словно человек привык много писать. Но вот адрес — там, наоборот, каждая буква отдельно, тщательно выписана: улица, город, страна. А мужчина писал или женщина, не могу вам сказать. Никакого впечатления у меня не создалось.

— А само послание? Как там? «Твой черед, пришел твой год»?

— «Твой черед, настал твой год», — машинально поправила гостя.

— Вы говорите, с мужем это не обсуждали?

— Нет.

— Даже не заговаривали?

— Нет. Я его слишком хорошо знаю. Понимала, что, если начну, наткнусь, как минимум, на приступ гнева.

— Но сама-то вы по поводу послания размышляли? Идеи, догадки появлялись?

— Размышляла, но ни до чего не додумалась. Кроме лежащего на поверхности, у мужа в жизни есть тайна, имеется могущественный враг, и Миша стал чего-то смертельно бояться.

— Может, кто-то у вас знакомый в Германии (Бельгии, Нидерландах) живет? Недоброжелатель?

— Я и в этом направлении думала. Без толку. — Все время внешне холодная и даже безучастная, она вдруг неожиданно добавила личностную оценку происходящего: — Извелась прямо вся. — Прозвучало немножко неорганично для ее ледяного аристократизма, слишком простонародно, зато искренне.

— А супруг ваш в тех краях бывал? Или, может, вы вместе с ним ездили?

— Он у меня все больше по экзотическим странам специализируется. Ювелир, знаете. Индия, Вьетнам, Таиланд, Колумбия, Венесуэла. Но летать туда он всегда старался через Европу. Через Франкфурт, иногда через Париж. Объяснял, что так удобнее, а потом какие-то интересы у него в Европе все-таки были, поэтому он там почти всегда на день-два задерживался. Или на пути туда, или на обратном. Но что за интересы и что он там делал — я ни малейшего понятия не имею.

Женщина в процессе разговора расслабилась. Мышцы уже не были столь напряжены, как вначале, руки спокойно лежали на коленях, дыхание стало ровным, скулы порозовели.

— Алина Григорьевна, — сказал я осторожно. — Вероятно, вам сказали, что я в своей работе использую определенные экстрасенсорные способы расследования...

— Я потому именно к вам и пришла.

— ...поэтому я хочу попросить позволения посмотреть вас. Посмотреть ментально, я имею в виду. Я вас ни в коем случае ни в чем не подозреваю — однако вы, конечно, знаете, что память наша устроена странным образом. То, что напрочь, кажется, и безнадежно забылось — в подсознании на деле осталось. Какая-то незначительная деталь, которую вы увидели да всерьез не приняли, на деле вырастает в большую проблему.

— Что-то вроде сеанса гипноза, — понятно кивнула гостя.

— Только безо всякого сна. Вы будете в здравом уме и полном сознании.

— Значит, сеанс черной магии с последующим разоблачением, — слабо улыбнулась Алина Григорьевна.

— Приятно иметь дело со столь культурным, начитанным человеком, — кивнул я. — Что ж! Я, со своей стороны, хочу заверить, что все, что я, так сказать, увижу в вас, останется строго между нами, это разглашению не подлежит и ни в коем случае не будет использовано против вас.

— Да уж, будьте добры.

— Дайте мне руку. Закройте глаза. Подумайте о предмете нашей беседы. О муже. Открытке. Прочих происшествиях.

Я не просто хотел выудить из клиентки больше деталей (кои и впрямь имеют свойство застревать в подсознании). В ходе нашей с ней беседы мне показалось, что она со мной не до конца искренна. Точнее, что есть у нее по отношению к собственному супругу определенные угрызения совести. Чтобы проверить догадку, я и собирался заглянуть в ее мозги. К тому же если бы она вдруг отказалась от «сканирования», я бы мог с чистым сердцем, в свою очередь, отступить от дальнейшей работы с нею. А я в данном случае предчувствовал долгую, сложную, а может, даже опасную возню.

Однако она согласилась на сканирование — и, взявшись за гуж, негоже было говорить, что не дуж. Я подошел к ней, сел в пустое кресло рядом, принял ее руку и постарался на пару минут *стать ею*.

Поразительно! Когда б люди знали, сколь глубоко я могу проникать в их ментальные тайны, они бы, я думаю, никогда б не давали мне согласия на прочтение их душ. Но народ то ли относится к процедуре несерьезно, как к игре, то ли не верит в мои сверхспособности и поэтому позволяет заглянуть к ним в нутро с легкостью необыкновенной.

Вот и Нетребина. Прикрыла глазки, протянула ручку — и отдалась мне. В духовном смысле, естественно. Однако я подобное проникновение считаю более интимным, более глубоким, что ли, чем любой

физический, физиологический контакт. И, может быть, напротив, хорошо, что дамочки, мои клиентки, о подобном не задумываются — иначе вряд ли кто-то из них позволил мне проделывать с ними такие кунштюки. А с Алиной проникновение оказалось столь глубоким, как редко бывает — видимо, сыграла свою роль наша предварительная беседа, в ходе которой я осторожно, кругами, подбирался к ней. Впрочем, *свою* последнюю мысль я додумать не успел. С головой погрузился в *чужие*.

«Думай об откритке. Откритка. Этот Данилов так за нее уцепился. Может, она и вправду свою роль сыграет? Интересно, он сумеет догадаться о Павлике? Куда там ему! Просто шарлатан. Вон, сидит, напыщенный, важный, глазки прикрыл. Делает вид, что мысли мои читает. Ха. Зря я к нему пришла. Хотя любопытно, конечно. Как только люди деньги не зарабатывают. Но пятнадцать тысяч за сеанс — это чересчур. Десятки бы за его потуги хватило. И Мише он вряд ли чем поможет. Хотя Мишенька, конечно, мое все. И если с ним что действительно случится, я буду несчастнейшей особой. Несмотря на все деньги, которые он мне, конечно же, оставит. Но что — деньги? Он свою — а заодно мою — жизнь организует, он заставляет все вокруг себя вращаться. А без него как эту чертовку-жизнь растолкать? Чтобы повариха приходила и нужное готовила, чтобы шофер в нужный момент приезжал, я и сама договорюсь. Но как сделать, чтобы все счета оплачивались и все мне кланялись? Что будет, если эти самые счета *нечем* будет оплачивать? Я ведь даже не знаю, сколько у Мишеньки денег. Миллион, два, три, десять? Куда они все вложены? Долги? И ведь не спросишь у него, не узнаешь — сразу начинает орать.

А что, если — и тут она ощутила ледяной, давящий, тошнотворный, животный страх — у него уже нет денег? Что, если он разорился? Или разорится?